



Юлия Монахова



Говорят, под  
Новый год...

АНТОЛОГИЯ  
АСТУС-РЕД

Сто историй о любви

Юлия Монакова

**Говорят, под Новый год...**

«Антология»

2015

УДК 82-31  
ББК 84-44Рус

**Монакова Ю.**

Говорят, под Новый год... / Ю. Монакова — «Антология»,  
2015 — (Сто историй о любви)

Роман состоит из девяти новелл, сюжеты которых развиваются параллельно друг другу. Каждый герой в дни всеобщей предновогодней суматохи переживает свою личную маленькую драму. Но праздничное настроение непременно постучит в их сердца...

УДК 82-31  
ББК 84-44Рус

© Монакова Ю., 2015  
© Антология, 2015

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| 29 декабря                        | 6  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 32 |

# Юлия Монакова

## Говорят, под Новый год...

© Монакова Ю., 2015

© ООО «Антология», 2015

\* \* \*

Все имена, персонажи и события вымышлены, любое совпадение – просто случайность, за которую автор ответственности не несёт.

«А скоро Новый год.

На пятачках, огороженных забором из кое-как сбитого штакетника, будут продавать ёлки. Тридцать первого декабря в этом ёлочном загоне останутся только две лысые ёлки и продавец, наряженный Петрушкой. Он будет пьян и великодушен, поэтому разрешит бабушкам, одетым в коричневые пальто с кошачьим воротником, собрать с земли хвойные ветки. Он разрешит им забрать их бесплатно. Потому что через три часа наступит Новый год. Всем в эту ночь хочется почувствовать себя немножко Дедом Морозом. «Берите, клячи, – скажет Петрушка, махнув рукой, – вон в том углу ещё посмотрите, там хорошие ветки лежат». И старушки, лопоча: «Дай Бог тебе здоровья, сынок», начнут подбирать колючие ветки сухонькими ручками в синих варежках-самовязах...

И через три часа на Спасской башне начнут бить куранты, а миллионы человек поднимутся из-за стола, заставленного салатами и тарелками с лоснящимися кружочками сырокоченной колбасы, чтобы стоя войти в новый год. Миллионы просьб и желаний выстрелят в космос. «Хочу, чтобы в этом году Вася на мне женился», «Хочу, чтобы хоть в этом году он сдох, сука, как он меня достал», «Хочу, чтобы мне подарили собачку», «Хочу выздороветь и прожить хотя бы ещё один годик»...

И с последним, двенадцатым, ударом часов миллионы глоток завопят «Ура!» и кинутся к мобильным телефонам, чтобы успеть дозвониться до своих близких, пока сеть наглухо не зависла...»

*(Лидия Раевская aka Мама Стифлера)*

## 29 декабря

### *Тазик оливье*

*Нюта, 40 лет, Москва*

– А напоследок, Золушка, приготовь триста порций оливье, студня и селёдки под шубой для банкета, и можешь спокойно ехать на бал!

Она вздрогнула и открыла глаза. Чёрт, неужели заснула? Да ещё и стоя (как лошадь!), прямо над раскалённой плитой и кипящими кастрюлями, прижимая к груди поварёшку. Эти новогодние банкеты её доконают...

Золушку современности звали милым уютным именем Нюта, несмотря на то, что ей было уже сорок лет. Вообще-то, конечно, Анна. Но ласковое домашнее прозвище «Нюта» прилепилось к ней с колыбели так прочно, что ни на какие другие вариации своего имени она попросту не отзывалась. Работала Нюта поваром не бог весть в каком популярном, но всё же приличном московском ресторане. С конца декабря до первых недель января наступала самая горячая пора: ежедневные группы туристов, включая иностранцев, завтраки-ланчи-ужины-корпоративы... Нютин рабочий день в этот период растягивался до четырнадцати часов, а бывало и того больше. Атмосфера отчётливо напоминала сцены из дурдома: заработавшись, повара начинали украшать тарелки с фруктами петрушкой и укропом, а вместо взбитых сливок для торта использовали майонез, ну, а забежавшиеся официанты путали заказы напропалую...

– Караул! Форс-мажор! – на кухню, отдуваясь и топая как слониха, влетела официантка Тонечка. Нюта затаила дыхание, ожидая самого худшего. – У нас там группа на двести человек... – начала Тонечка со слезами на глазах.

– Я в курсе, всё запланировано, всё давно приготовлено! – быстро проговорила Нюта, словно скоростью реакции надеясь отвести неминуемую беду.

– Так вот, двое из них – сыроеды! – выпалила официантка. Нюта схватила за сердце.

– Сыроеды?!

– Ну, впрочем, может, просто вегетарианцы, – сжалась Тонечка. – Или постящиеся. Во всяком случае, они попросили завтрак без мяса, яиц, сливочного масла и молока.

– Твою мать, Тоня! – зычно взревела Нюта. – Напугала сыроедами, я год жизни потеряла...

– Короче, что мне им подать? – девушка скорчила жалобную гримаску.

– Ненавижу таких клиентов, туда их растуда, – выругалась Нюта, распахивая дверцу холодильника и хищным взглядом моментально окидывая содержимое. – Почему они извещают нас о своих кулинарных предпочтениях в самый последний момент, когда вся группа уже явилась на завтрак и рассаживается за столами? Мы тут все и так в мыле...

– Они не понимают, – скорбно нахмурив изящно выщипанные бровки, посетовала Тонечка. – Говорят: вам что, сложно приготовить две порции отдельно?

– Интересно, а они что, поститься начали буквально пять минут назад? – Нюта, помыв под краном четыре картофелины, ловко очистила их от кожуры и принялась натирать на тёрке. – Надо же, блин, предупреждать заблаговременно! Чтобы не приходилось сочинять меню на ходу...

– Так что им сказать? – пискнула Тонечка. – Мне пора в зал возвращаться...

– Скажи, что скоро будут готовы драники, – выдохнула Нюта устало, уже поставив сковородку на огонь и плеснув туда растительного масла. – Впрочем, думаю, «спасибо» ты от них всё равно не услышишь. Скорее уж ворчливое: «Девушка, ну сколько можно ждать?»

Вообще-то, Нюта любила свою профессию. Её прапрадед, к слову, тоже был поваром и в середине позапрошлого века имел собственную ресторацию на Трубной площади. Нюта частенько закрывала глаза и воображала, как сверкали окна «дворца обжорства» (так шутя называли заведение прапрадеда его приятели), как стояли перед ним богатые экипажи с выездными лакеями в ливреях, а внутри ресторации сновали щеголеватые половые в белоснежных рубашках с поясами из натурального шёлка... Изысканные яства подавались на тарелках из саксонского фарфора, вино же доставлялось прямым из Франции...

– Но предок, положим, и представить себе не мог, что такое новогодние банкеты, – пробурчала она, ловко поддевая лопаточкой готовые драники и выгружая их на тарелку, – и каково это – ежедневно собственноручно готовить два-три тазика салата оливье.

«Тазик» в её случае не был фигурой речи, а обозначал буквальные тридцать килограммов мешанины из яиц, мяса, овощей и майонеза.

– Перемешиваю, к слову, тоже ручками... А ты как думал, дедуля? – бормотала она себе под нос. – Надеваю резиновые перчатки – и вперёд!.. Тебе, небось, такое и не снилось... Снилось... Спи, моя радость, усни, баю-баюшки-баю... Ох, ну вот – снова едва не задремала возле плиты! – спохватилась она.

Да, ей нравилась её профессия, просто она ненавидела Новый год. А ещё никогда не делала дома пресловутый оливье – после череды банкетов Нюту от него тошнило. Хотя у неё была заветная мечта – приготовить этот салат по самому первому, оригинальному рецепту!

– Ха-ха, а вы, небось, думали, что оливье всегда состоял из колбасы, варёной моркови, солёных огурцов и зелёного горошка? – часто вопрошала Нюта в компании коллег. – Как бы не так... Вообще-то способ приготовления оригинального салата считается утерянным, но мне известны основные ингредиенты и рецептура. Ум отъесть можно! Да там только список продуктов почитать – уже слюной гурмана захлебнешься: мясо жареного рябчика, телячий язык, раковые шейки, пикули, паюсная икра, салат-латук, свежие огурцы, каперсы...

– Класс... – с благоговением выдыхала какая-нибудь очередная Тонечка, понятия не имеющая, что такое паюсная икра, но стесняющаяся в этом признаться.

– Но главный секрет, конечно же, заключается в оригинальном прованском соусе... – добивала слушателей Нюта. – Клянусь, когда-нибудь я обязательно сделаю это!

### ***Как жизнь без весны***

*Вера, 27 лет, Смоленск*

Перед вылетом и у Веры, и у Мишки было замечательное настроение.

Они в обнимку бродили по магазинам в зоне дьюти фри, не собираясь ничего покупать – просто им доставляло удовольствие рассматривать обилие товаров. Пили кофе и лакомились пирожными. Исподтишка разглядывали других пассажиров, ожидающих посадки на самолет, и обменивались ироничными репликами вполголоса, давая всем меткие и остроумные характеристики. Аэропорт «Домодедово» кишел как муравейник – время такое, новогодние праздники, все летели из промозглой стылрой Расеи-матушки в жаркие страны, к тёплому морю, чтобы водить хороводы не вокруг традиционной жухлой сосенки, а вокруг мохнатой пальмы.

– Сдался тебе этот Тунис, – в очередной раз беззлобно посетовал Мишка после того, как они устроились за стойкой бара и принялись смаковать по лёгкому коктейлю. – Там сейчас довольно прохладно, в море даже не искупаешься... Лучше бы в Египет полетели.

– Египет – это банальщина, – Вера смешно сморщила нос. – И потом, у меня насчёт него предубеждение... Подружка пострадала от тамошнего афериста, некий Мустафа-соблазнитель влюбил её в себя, слагал в её честь песни о вечной страсти, а затем обобрал до копейки, последние деньги вытянул.

– «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!» – с ехидцей процитировал Мишка пушкинские строки. – Извини, но мне ничуть не жаль всех этих дурищ, которых разводят на бабки египетские и турецкие красавчики. А сейчас, пардон, мне надо отлучиться в туалет...

Он встал со стула и направился к выходу из бара.

– Ольга не дурища, она моя подруга! Она потом полгода душевные раны зализывала! – крикнула Вера ему вслед и надула губы, притворяясь рассерженной скорее перед самой собой, чем перед ним. На самом деле она лукавила. Причина нежелания ехать в Египет была иной – не подружьино несчастье, а собственные воспоминания...

Девять лет назад они с Антоном отправились туда в свадебное путешествие. Она была смехотворно молода – едва окончила школу и поступила в институт, а он уже учился на третьем курсе юрфака. Их роман своей стремительностью ошеломил всех – от студентов до преподавателей. Антон сразу же обратил внимание на золотоволосую красавицу и после недели красивых ухаживаний (пожалуй, даже чересчур красивых, как в кино: серенады под балконом, необъятные охапки роз, ванны шампанского) сделал ей предложение, которое она с восторгом приняла. Египет стал для них воплощённой мечтой – свежие вкусные фрукты, дивной красоты море, уютный отель, страстные ночи, полные наслаждений... Спустя пару недель после восхитительных египетских каникул Вера не дождалась очередного прихода месячных, а тест уверенно показал две жирные полосочки. Тогда ей думалось, что в мире просто не может существовать более счастливого человека, чем она сама, несмотря на то, что родители и подруги крутили пальцем у виска: «Куда сразу рожать-то? Пожили бы для себя, хоть бы учёбу сначала закончили!». Беззаботной новобрачной всё казалось нипочём, и она гордо носила на занятии свой округлившийся живот. В начале второго курса Вера родила сына Степана, но институт не бросила. Очень помогали бабушки и мамы. Антон отлично защитился, открыл собственную адвокатскую контору на паях с однокурсником, его дела сразу же пошли в гору. Это были прекрасные, насыщенные, удивительно яркие дни. Затем насыщенность сменилась спокойствием и умиротворением. Жизнь вошла в свою колею. Но и это было неплохо, наоборот – от их семьи всегда веяло стабильностью, надёжностью...

А когда Стёпику исполнилось четыре года, Вера встретила Мишку. И жизнь всех четверых изменилась... Вернее, не так. Изменилась жизнь самой Веры, а также Антона и Миши. Для сына всё оставалось по-прежнему – на этом настоял муж. Бог свидетель, как дорого ей это обошлось...

Вера невероятным усилием воли прогнала от себя невесёлые думы. Несмотря на то, что встречу с Мишкой она по-прежнему считала драгоценным подарком судьбы, воспоминания о том периоде до сих пор отзывались глухой болью. Рана никак не заживала... И всё чаще Вера задавала себе вопрос – а стоило ли оно того? Да, она получила любовь самого замечательного человека на свете, но при этом фактически потеряла сына. Вернее, потеряла право называться его матерью...

«Прекрати, – приказала она себе сердито. – Ты летишь в Тунис. Постарайся отвлечься от мыслей о бывшем муже. И даже о сыне... Вообще забудь обо всём. Ты должна классно отдохнуть и набраться сил. Всё. Всё, хватит!»

В этот момент бармен включил радио, и из динамиков полилась знаменитая песня, звучавшая в фильме «Гардемарины, вперёд!»:

Как жизнь без весны,  
Весна без листвы,  
Листва без грозы  
И гроза без молний...

В то же время в дверях появился вернувшийся Мишка. Услышав знакомую мелодию, он моментально состроил пафосное лицо, простёр руки по направлению к Вере и закричал ей беззвучно, одними лишь губами:

– Софья!

Она тут же включилась в игру и безмолвно, но эмоционально отозвалась:

– Алёшка!!!

Немногочисленные посетители бара, наблюдающие за этой пантомимой, принялись хихикать, но Вера не обратила на них никакого внимания. Она уже давно привыкла к Мишкиным выкрутасам и научилась с удовольствием поддерживать его во всех безумствах.

Вера сползла с высокой табуретки и приготовилась к кульминации шоу: едва песня дошла до припева, они с Мишкой, продолжая кричать «Софья!» – «Алёшка!», ринулись друг к другу навстречу, как в замедленной съёмке.

Все окружающие ржали в голос, бармен утирал выступившие от смеха слёзы, а Мишка с Верой с достоинством кланялись почтенной публике.

– Ребята, вы артисты? – с уважением протянул упитанный мужчинка средних лет, сидящий за стойкой.

– «Весь мир – театр, – торжественно продекламировал Мишка, – в нём женщины, мужчины – все актеры. У них свои есть выходы, уходы, и каждый не одну играет роль...»<sup>1</sup>

Вера невольно залюбовалась им, как в момент первой встречи. Он тогда поразил её в самое сердце – высокий, широкоплечий, с соломенными волосами до плеч, обветренным лицом и пронзительным синим взглядом – натуральный викинг! Любовь с первого взгляда, не иначе.

«Люблю, – словно пробуя значение этого слова на вкус, проверяя себя, подумала Вера. Сердце привычно сделало кулбит. – Конечно, люблю. И значит, оно того – стоило».

### ***Мамский коктейль***

*Соня, 30 лет, Санкт-Петербург*

– Я вообще считаю, что мамы, которые придумывают себе все эти «послеродовые депрессии» – на самом деле врушки! – голос Кати дрожал от праведного негодования.

– Врушки? – Соня аж задохнулась от неожиданности.

– Вот именно! – отчеканила подруга. – Не бывает «послеродовых депрессий», есть просто хорошие матери, а есть бессердечные твари и эгоистки!

Соня еле сдержалась, чтобы сию же секунду не шваркнуть трубку о рычаг. Но искушение сказать гадость напоследок пересилило.

– Вот сначала роди своего ребёнка – посмотрим, как ты запоёшь, – злорадно молвила она. – Материнство в теории и на практике – это, знаешь ли, две большие разницы, как говорят в Одессе...

После этого трубка была отправлена-таки куда положено, а Соня рухнула на диван и расплакалась от обиды. «Твари! Эгоистки!» – слова лучшей подруги эхом отдавались в ушах. Легко рассуждать, когда ты не обременена малышом, у тебя плоский загорелый живот, любимая работа, уйма развлечений и радостей жизни, обожающий тебя муж и – самое главное – нет кучи назойливых родственников и «доброжелателей», которые буквально достали вопросом, когда же ты, наконец, соберёшься завести ребёнка?

---

<sup>1</sup> Отрывок из монолога Жака в произведении «Как вам это понравится» Уильяма Шекспира (предположительно 1599–1600 гг.)

В коляске завозился и сонно захныкал младенец мужского пола двух с половиной месяцев от роду по имени Евгений. Соня, не веря собственным ушам, взглянула на часы и застыла:

– Уже? Ты же заснул десять минут назад! Я опять ни черта не успела сделать!

Младенец Евгений послал ещё несколько предупредительных хныков в пространство и, поскольку никакой ответной реакции не последовало, разразился громогласным рёвом. Соня через силу подняла своё тело с дивана и поплелась к плачущему сыну, с трудом пытаясь подавить в себе раздражение вкупе со злыми слезами.

...За пять лет брака их с Сашкой заколебали вопросами про ребёнка все кому не лень, начиная от родителей и заканчивая коллегами. Соня считала, что тридцать лет – не возраст для современной женщины, родить ещё успеется, а пока нужно пожить в своё удовольствие, но под давлением общества пришлось уступить. «Ну, а что? Наверное, это прикольно – иметь собственного маленького человечка!» – подумала она.

Во время беременности Соня больше всего боялась родов и боли. После того, как долгожданное дитя появилось-таки на свет, Соня осознала совершенно отчётливо, что роды – фигня по сравнению с тем, что за ними последует. Не стоило идти на поводу у кого-то или чего-то, даже если это были такие «железные» доводы, как:

– Да тебе уже столько-то лет! Да все твои подружки уже родили! Да я в твои годы уже троих родила! Да я так хочу понянчиться с внуком!

Когда схлынули первые восторги, умиления и «сюси-пуси», все добровольные помощники пресытились игрой в ляльку и незаметно свалили, оставив её расхлёбывать всю эту кашу, которую сами же заварили. Все заботы о младенце Евгении, по большому счёту, легли исключительно на её плечи. А ведь изначально, уступив настойчивым просьбам мамы и мужа обзавестись потомством, она банально повелась на их лстивые обещания: «Да я с внуком/сыночком буду сидеть все двадцать четыре часа в сутки – ты, главное, роди мне!» Соня горько рассмеялась, вспомнив об этом. Рожают не «кому-то». Рожают – только себе. И точка.

В её случае «спёкся» даже Сашка, души не чающий в сыне и в своё время буквально валяющийся у жены в ногах – так ему хотелось маленького. Да, в первые дни после родов его помощь была незаменима и бесценна, он даже взял на работе двухнедельный отпуск, чтобы проводить всё время с женой и карапузом. Но чем старше становился наследник, тем сложнее было его занять. Ребёнок начал требовать общения, а не просто еды и сна. Самое большее, на что теперь хватало мужа – это посидеть с сыном полчаса, пока она готовила ужин или принимала душ. Да и то, он периодически врывается к Соне на кухню или прямо в ванную и трубил:

– Женька плачет! Наверное, хочет есть.

Соня, и так падающая с ног от усталости после бесконечно долгого дня, до ужаса похожего на предыдущий, заводилась с пол-оборота:

– А тебе невдомёк, что в этом возрасте дети плачут уже не только от голода? С ребёнком надо играть, возиться, разговаривать, петь ему песенки, носить на руках и показывать всякую фигню...

– Какую фигню? – Сашка моментально терялся. – Ты скажи конкретно, что мне делать – ну, там, подгузник ему сменить или в коляске покачать... А придумывать я не умею, мне это напряжно.

– Конечно, «напряжно»! – язвительно передразнивала Соня. – Гораздо проще сунуть мне орущего ребёнка со словами «он голодный» и самоустраниться...

Не раз, занятая по хозяйству, она слышала, как ребёнок в комнате надрыдается от крика. Соня бежала на зов и заставляла следующую картинку: муж сидит, уткнувшись в телевизор,

Женька багровый от плача, а муж рассеянno поглаживает его по животику и, не отрывая взгляда от экрана, бормочет:

– Ну, тихо, тихо...

– Возьми ребёнка на руки, идиот! – не выдерживала Соня, с ходу задавая самый агрессивный тон. Слово за слово – и вспыхивал скандал. Скандалы вообще стались частым явлением в семействе Кулаковых... Если же муж предупреждал, что задержится на работе, Соня тут же слала ему истерические смс-ки, что она повесится – да, бывало даже такое.

Иногда на подмогу являлась свекровь, живущая через дом. Помощь её заключалась в следующем – она приходила, когда Женька спал, и смирно сидела рядышком, таращась на коляску. Как она искренне верила, охраняла сон – а на самом-то деле просто доводила Соню до белого каления своим молчаливым присутствием. Как только младенец Евгений просыпался и начинал ныть, свекровь удовлетворенно констатировала:

– О! Проголодался, – совала его Соне и удалялась с чувством выполненного долга.

Соня не винила её – та не занималась нянкой, она не обязана. Но с некоторых пор просто перестала открывать свекрови дверь, заведя её физиономию в глазке. А смысл? Свекровь разобиделась и вскоре сама перестала приходить.

Большие надежды возлагались также на Сонину маму, специально приехавшую из Сибири нянчиться с новорожденным. Поначалу всё шло как по маслу, ибо бабушка души не чаяла во внуке и бежала к нему по первому пisku. Но уже неделю спустя Соня готова была взвыть от того, что они с мамой – сторонницей традиционных методов воспитания и ухода за грудными детьми – решительно, категорически отказывались понимать друг друга. Мама постоянно психовала, упрекая Соню в том, что она не умеет обращаться с ребёнком, всё делает неправильно, и муж её тоже всё делает неправильно, и только она одна знает, как надо. Да, Соня с уважением относилась к материнскому авторитету, но, чёрт возьми, у неё тоже были свои взгляды! К примеру, мать говорила Соне, чтобы она не надевала малышу памперсы, а всё время держала его голеньким – мол, попка будет «дышать». Соня объясняла ей, что голенький Евгений описает-обкакает и мебель, и всех членов семьи впридачу. Мама сразу же начинала орать на неё, не церемонясь в выборе выражений:

– Подумаешь, описают её! Я вон, когда тебя родила, вечно обоссанная ходила!

– Но при чём тут ты, если я лично так не хочу ходить? – искренне недоумевала Соня. Она, если честно, вообще была готова поцеловать создателя памперсов в попу, ибо он избавил её от изнуряющей круглосуточной стирки загрязненных пелёнок и ползунков. Мама же ставила ей в вину то, что она думает только о себе.

Сашка тоже не был особо доволен присутствием тётчи. Особенно тем, как она без стука и предупреждений врывается в супружескую спальню ночами, заслышав малейшее похрапывание маленького Женьки, и гневно вопрошала:

– Он у вас плачет, вы что, не слышите? Соня, покорми ребёнка и дай мне, я его укачаю!

После чего она часами слонялась по спальне и убаюкивала малыша, распевая колыбельную. Младенец в конце концов засыпал под её монотонное пение, а вот Сашка всё больше раздражался, и с него слетал всякий сон, хотя завтра надо было рано вставать на работу. Если же Соня мягко говорила: «Мама, иди, пожалуйста, к себе, мы сами справимся!» – тут же начинались слёзы обиды и упрёки. Короче, через пару недель тётка была отправлена из Питера восвояси.

Соня медленно, но верно осознавала, что её жизнь уже никогда не станет такой, как раньше. Ни-ко-гда. И это не вселяло в неё оптимизма... Её женское самолюбие если и не издохло окончательно, то явно валялось в глубоком обмороке. Ей просто было некогда заняться собой. Даже сейчас, при наличии всех новомодных девайсов (слинги, специальные стульчики и кресла, развивающие коврики, мобили-хренобили, позволяющие занять малыша), времени у Сони на себя практически не оставалось. От неё теперь вечно пахло

молоком (а когда у неё случился лактостаз – то ещё и капустой, поскольку она лечилась народными средствами и запихивала свежие капустные листья себе в лифчик), она ходила в одном и том же халате и не успевала даже банально после мытья головы расчесать волосы – обычно это занимало у неё как минимум тридцать минут, поскольку она отрастила шевелюру до пояса. Как-то в нервном припадке Соня просто схватила ножницы и сгоряча чикнула косу сантиметров на десять. Хорошо хоть, под корень не оттяпала с досады, да и за эти сантиметры Сашка потом её чуть не сгнобил.

А ещё она уже не помнила, когда вырывалась куда-нибудь поразвлечься с подружками. Да что там – поразвлечься! Она забыла, когда просто в последний раз выходила из дома. На дворе стоял конец декабря, мерзкий, серый и бесснежный, гулять с Женькой было холодно, и она ограничивалась тем, что, закутав сынишку потеплее, выставляла его на некоторое время в коляске на балкон. Пока он «гулял», вернее – дремал на свежем воздухе, она успевала поделывать домашние дела. «Кто вообще придумал, что декрет – это отпуск? – недоумевала Соня про себя, запихивая пелёнки в стиральную машинку. – Если ты ходишь на работу, то вполне допускается, что ты можешь не успеть приготовить еду или заняться уборкой, все относится к этому с пониманием. Но если ты в декрете, предполагается, что и квартира должна быть отдраена до блеска, и бельё выстирано-выглажено, и обед из трёх блюд готов, и ребёнок присмотрен-ухожен, а ты сама должна выглядеть красивой, приветливой и жизнерадостной... Это же нереально!»

Самое обидное, что обычно в это время года она порхала как на крыльях, предвкушая новогоднее празднество. А теперь вся подготовка прошла мимо неё. Люди обдумывали праздничное меню, подарки, место встречи Нового года и компанию, в магазинах активно продавалась всяческая ёлочно-игрушечная дребедень... Соне, обожавшей встречать Новый год с детства, казалось, что жизнь проходит мимо – а она лишь наблюдает за праздником с обочины. У неё даже не было времени нарядить ёлку.

### ***Тяжела и неказиста жизнь эстрадного артиста***

*Алекс, 25 лет, Москва*

Как и любой другой популярный артист, в преддверии Нового года Алекс Воронков становился особенно востребованным и чрезвычайно высокооплачиваемым. Он люто ненавидел новогодние праздники, потому что после них чувствовал себя выжатым лимоном. Но это приносило деньги. По-настоящему большие деньги. За возможность увидеть Алекса на своём новогоднем корпоративе или частном концерте люди не поморщившись выкладывали по сто тысяч евро. И это только в Москве, за выезд же звезды заказчики радостно платили около двухсот тысяч. В прошлом декабре Алекс отработал двадцать шесть концертов, из них три – в саму новогоднюю ночь, и ему реально тогда казалось, что он сдохнет от усталости. Поэтому он страшно бесился, когда читал в Интернете комментарии доморощенных незваных критиканов на предмет того, что «по сцене скакать – не кувалдой махать, всех этих звёзд отправить бы вкалывать на завод или строить дороги». Особенно обидным это казалось ещё и потому, что он никогда не был халтурщиком, не пел под фонограмму и выкладывался на концертах на тысячу процентов. С него в буквальном смысле сходило семь потов, а свободные от выступлений дни он посвящал занятиям хореографией и вокалом.

В этом году Алекс отказался от выступлений в ночь с тридцать первого на первое, но всё равно работы хватало. Он предвкушал новогодний праздник как возможность тупо отоспаться и отдохнуть. То, что он встретит Новый год один, нисколько не пугало – вынужденная публичность профессии давно уже сделала его ярким интровертом. Алекс любил блаженное одиночество, когда можно было расслабиться и не думать о том, как он выглядит со стороны, под прицелом объективов.

Можно было поехать в Тулу к матери, но Алекс, поморщившись, признал, что это не самая удачная идея. Мама, конечно, обрадуется, и ему будет приятно её видеть, но уже через час пребывания на малой Родине впору будет завывать от тоски. Накормив сынулю своими фирменными голубцами, варениками с картошкой и грибами, а также непременно заливным, мама заведёт любимую песню о главном: когда же Алёшенька, наконец, женится? Она родила его поздно, в сорок лет, и опасения не дожидаться внуков были вполне резонными. Однако Алекс не мог ей ничем помочь – ну что значит «пора жениться»? Разве это происходит по заказу, в удобное и подходящее для всех время? Вокруг него постоянно вился рой красивых интересных девушек, но пока что ни одна не вызвала желания предложить ей руку и сердце. Только внешней привлекательностью пленить Алекса было сложно – он был избалован светскими красавицами, в обществе которых постоянно вращался. Певицы, актрисы, модели, телеведущие, спортсменки... А для того чтобы познакомиться с богатым внутренним миром и прекрасной душой очередной девушки, ему банально не хватало времени и сил.

Фанатки, понятное дело, пребывали в восторге от холостого статуса своего кумира. Каждая из них втайне (а то и явно, напоказ) мечтала о том, что именно она станет той счастливой, которая разобьёт сердце гордому красавчику-певцу. Знали бы они, что в глубине души Алекс обо всех них думал! Да, конечно, как и всякий артист, он неизменно разглагольствовал в интервью: всё, что он делает – исключительно для его дорогих поклонников. Но правда была в том, что большую часть его аудитории составляли девушки, а не юноши, и творчество певца было для них на втором месте после его личной жизни.

По настоянию продюсера Алекс завел себе странички во всех популярных соцсетях – «Фейсбуке», «В контакте», «Одноклассниках», «Твиттере» и «Инстаграме». Время от времени он постил туда фотографии или писал пару предложений о текущих новостях, но комментарии поклонниц старался не читать, иначе резко начинал их всех презирать и ненавидеть. Интернет – иллюзия близости к Звезде. Фанаткам срывало крышу, когда они видели, что Алекс Воронков запросто делится с миром фотографиями своей квартиры, своего завтрака, своего спортзала... И они начинали вести себя по-приятельски фамильярно. Критиковали его новую причёску, одежду, спутников (особенно спутниц). Причём в выражениях не церемонились.

«Фу, тебе не идёт щетина! Сейчас же побрейся!»

«Чё как придурок в этой майке?»

«Какая мымра рядом с тобой, это что за уродина?»

«Удали эту фотку немедленно, она мне не нравится!»

«Почему ты не отвечаешь на мои комментарии, совсем зазнался?»

«Добавь меня в друзья в контакте, плиз!»

Алекс допускал мысль, что среди его поклонниц есть адекватные, милые, интеллигентные девушки. Но они, вероятно, стеснялись проявлять себя в толпе остальных фанаток – нагловатых дебилок с невесть чем обоснованными претензиями. Поэтому он просто махнул рукой на коммуникацию, и общение в соцсетях стало исключительно односторонним. Он не желал больше знать, что ему пишут.

Отыграв концерт на очередном крутом корпоративе в одном из ресторанов Нового Арбата, Алекс отказался от услуг водителя, решив, что прогуляется до дома пешком – он жил неподалёку. Время было позднее, два часа ночи, поэтому вероятность оказаться узанным сводилась к минимуму. Прогулка на свежем морозном воздухе пойдёт ему на пользу: в голове прояснится, и он заснет спокойным здоровым сном... Ему вообще нравилось бродить по московским улицам; он частенько совершал долгие пешие и велосипедные прогулки. Очки с простыми стеклами, огромный козырек кепки, скрывающий половину лица – и на него никто не обращал внимания, никто не кидался с криками: «Дайте автограф!» или «Можно с вами сфотографироваться?»

Нахлобучив на голову капюшон, Алекс включил плеер, засунул руки в карманы и неспешно двинулся вдоль по тротуару. Завтра – последний день этого изнурительного марафона. А потом у него наконец-то будет долгожданный двухнедельный отпуск, который он проведёт на райских пляжах Доминиканы – с их белым коралловым песочком, чистейшим тёплым морем и изумрудно-сочными пальмовыми листьями на фоне лазурного неба...

Он так замечтался, что споткнулся о чьи-то вытянутые ноги и только чудом не растянулся на земле. Балансируя, подобно эквилибристу на канате, Алекс попытался принять надёжное устойчивое положение. В спину ему ударил громкий обидный хохот, явственно различимый даже сквозь музыку плеера, звучавшую в ушах. Едва сдерживаясь, чтобы сразу не вспылить, Алекс обернулся, чтобы посмотреть, кто там над ним потешается.

На установленной вдоль тротуара скамеечке расположилась компания: двое ребят и две девушки. Один из парней держал на коленях гитару, и ноги его были по-прежнему вольготно вытянуты поперёк дороги, аж до самой середины тротуара.

– Очень смешно, – язвительно проговорил Алекс, вынимая наушники из ушей и с выражением глядя на эти длинные нахальные ноги. – Между прочим, здесь люди ходят...

– Извини, парень, – гитарист примирительным жестом поднял вверх руки. – Я не специально. Мне показалось, что ты просто обойдёшь нас стороной... Откуда же я знал, что ты под ноги не смотришь.

– Ладно, проехали, – Алекс уже остыл и изобразил вежливую улыбку. – Всё нормально.

– Ой, подожди! – вскрикнул вдруг второй молодой человек, даже приподнявшись со скамейки от удивления. – Ты же Воронков, да? Алекс Воронков!

– Вау, – протянула одна из девушек, очень хорошенькая. – И в самом деле... Вот так встреча.

– Фигасе! – восхитился гитарист. – Какие люди, и без охраны...

– Окей, ребята, счастливо, я домой пойду, – Алекс предпринял было попытку удалиться, но парни уже повскакивали с мест и преградили ему дорогу.

– Да посиди с нами, ладно тебе! – принялся уговаривать длинноногий. – Блин, ну прикольно же... Давай пообщаемся...

– О чём пообщаемся? – неприязненно переспросил Алекс, который терпеть не мог подобного панибратства. – Я вас в первый раз вижу, и, между прочим, на брудершафт мы ещё не пили, чтобы тыкать друг другу...

– В самом деле, посидите с нами немножко, – попросила вдруг девушка – та самая, симпатичная. – Ну, хотя бы пять минуточек! У нас вино есть. Хотите? Заодно и на брудершафт выпьем, – она обезоруживающе улыбнулась, показав прелестные ямочки на щеках.

Алекс смягчился.

– Ну, если только пять минут...

Его пригласили присаживаться на скамейку, после чего все дружно представились. Красивую девушку звали Алла. Похожесть их имён даже показалась Алексу символичной. Имя второй девушки он не запомнил, да она и не стремилась к общению, предпочитая отмалчиваться. Ему моментально вручили пластиковый стаканчик, наполненный вином. Он отхлебнул это невкусное дешёвое пойло, и почувствовал смутную радость – почти забытую, какую-то студенческую. Собственно, его новые знакомые и были студентами – никому из них не исполнилось ещё и двадцати лет. Алла кокетливо поглядывала на него, и в груди сладко заныло – это тоже было забыто и очень волнующе.

– И что, – с интересом спросил гитарист, – ты вот так и бродишь один ночами, без машины, без охраны? Не боишься?

– А чего мне бояться? – Алекс передёрнул плечами. – Ценностей с собой я не ношу, грабить меня не интересно...

– Айфон, небось, пятый? – завистливо протянул второй парень, но Алла шутливо шлёпнула его по руке:

– На чужой каравай рот не разевай!

Все захохотали. Алекс отхлебнул ещё вина и кивнул в сторону музыкального инструмента:

– Играешь?

Гитарист смутился.

– Да так... Балуюсь. Несерьёзно.

– Дай-ка мне, – попросил Алекс. Ему с готовностью протянули гитару. Он принялся перебирать струны, а затем негромко запел одну из собственных песен. Ребята, сначала стесняясь, а затем всё более уверенно, подхватили мелодию. Вышло весьма слаженно и душевно, как будто репетировали раньше. Когда они закончили петь, девушки даже поаплодировали.

– Я на мобильник это сняла, – похвасталась Алла.

– А потом зальёшь на YouTube с комментарием: «Пьяный Воронков ищет ночами забвения в компании незнакомцев?» – хмыкнул Алекс, впрочем, вполне миролюбиво. – Прошу, не надо это в сеть вываливать.

– Да будь спокоен, – утешил гитарист. – Нам и самим запахло позориться...

– В каком смысле – позориться? – не понял Алекс. Алла ткнула гитариста локтём в бок, но тот, похоже, не понял намёка и беззаботно продолжил:

– Ну, мы вообще-то рок слушаем, а тут вдруг поём твой дурацкий попсовенький хит про любовь-морковь... Нас все друзья засмеют, это же не музыка, а дерьмо собачье... – уже договаривая последние слова, парень понял, что сморозил жуткую бестактность, но слово – не воробей.

– Хм, спасибо за комплимент, – прищурился Алекс. Собеседник тут же решил, что лучшая защита – это нападение, и встал в позу:

– А что, скажешь – не так, что ли? Ты хочешь нас убедить, что тебе самому нравится данное фуфло? Вот честно, положи руку на сердце – ты действительно с удовольствием исполняешь эту дешёвую дрянь на своих концертах?

Алекс отложил гитару и встал со скамейки.

– Приятно было познакомиться, – холодно сказал он. – Спасибо за вино. Всего вам доброго...

– Что, правда глаза колет? – отчаянно выкрикнул гитарист, сам в глубине души понимая, что перегнул палку.

– Правда? – Алекс внимательно посмотрел ему в лицо. – Правда в том, что я занимаюсь любимым делом. И дело это приносит мне не только удовольствие, но и доход. Если я скажу тебе, сколько получил за сегодняшний концерт – ты же спать спокойно не сможешь. И правда также в том, что ты – никто, и звать тебя никак. Но ты почему-то решил, что имеешь право хамить человеку, который, в отличие от тебя, уже чего-то добился в этой жизни. А ты сидишь сейчас на скамейке и пьёшь дрянное вино. Вот это – единственная, настоящая правда.

Он развернулся и резко зашагал прочь, продолжая внутренне кипеть от возмущения. Искушение набить морду зарвавшемуся юнцу было очень велико, но он пересилил себя. Дело было даже не в том, что их больше – он справился бы и с двумя парнями, потому что находился в отличной физической форме, регулярно посещая спортзал. Но он понимал, что это не решило бы проблемы. Паренёк реально считал себя правым во всех отношениях – и был искренне уверен, что может судить о каждом явлении в мире со своей субъективной позиции. Ему, в его девятнадцать, уже доподлинно было известно, что такое хорошо, а что такое плохо, что талантливо, а что бездарно... Этаким юношеский максимализм. Если не рок, а попса – значит, фу, дешёвка. Есть чёрное, а есть белое. Только так, и не иначе. Не стоило, наверное, так кипиться – ведь он, Алекс, тоже когда-то был категоричным наивным

молокососом. Но его действительно задели слова глупого мальчишки, потому что он реально любил сцену, и ему нравились песни, которые он исполняет. Алекс вообще весьма тщательно подходил к отбору музыкального материала, и неправда, что в его песнях имелись глупые тексты и рифмы в духе «любовь-морковь».

Он так увлёкся мысленной дискуссией с обидчиком, размашисто шагая по улице, что не сразу услышал, как его зовёт женский голос.

– Алекс! Да подожди же ты!

После второго или третьего окрика он опомнился и обернулся. К нему торопливо приближалась вторая девушка из компании – не красивая, Алла, а другая, имени которой он так и не смог вспомнить.

– Еле догнала, ну ты и бегаешь, – подойдя к нему почти вплотную, выдохнула она. – Прямо марафонец...

Алекс молча смотрел на неё, ожидая, что она скажет дальше.

– Послушай, – начала она немного нерешительно, – ты не обижайся всерьёз на Дениса. Он не со зла...

– Ага. Не со зла, исключительно от доброты душевной, – отозвался Алекс ровным голосом.

– Да нет же, – она поморщилась. – Ден – он такой, вечно ляпает, что думает, а думает он не всегда правильные вещи. Просто мозги за языком не успевают.

– Ну, так пусть обратится к специалисту-мозгоправу, – съязвил он. Девушка не рассердилась, не обиделась, а просто удивлённо покачала головой:

– Зачем так...

Алексу моментально стало стыдно за то, что он разнервничался из-за ерундовой, по сути, ситуации.

– Ладно, проехали, – сказал он миролюбиво. – Можешь передать ему, что я не в обиде.

– Спасибо... – отозвалась она.

– Это всё? – уточнил Алекс. – Ты именно поэтому за мной и бежала?

– Ну, вообще-то... – замялась она.

– Договаривай уж, раз начала. Не щади.

– Мне показалось... – девушка подняла на него глаза. – Показалось, что тебе очень одиноко и плохо сейчас.

– С чего вдруг?

– Ну, я не знаю... Странно, что популярный певец бродит ночами по улицам и так тянется к людям, что согласен пить с первыми встречными. Вот я и подумала...

– ...Что тебе необходимо скрасить моё одиночество? – насмешливо докончил он.

– А ты хотел бы, чтобы на моём месте сейчас была Алла? – понимающе-иронично переспросила она. Алекс смутился.

– Да нет. При чём тут Алла?

– Ну, я же видела, что она тебе понравилась. Но только она – девушка Дена, так что у вас всё равно ничего бы не вышло.

«Если бы я всерьёз этого захотел – очень даже вышло бы!» – подумал Алекс про себя, но вслух сказал другое: – А твой парень, стало быть, не возражает, что ты пошла за мной?

– Ты про Валеру? Он не мой парень, – девушка улыбнулась. – Мы просто друзья. Однокурсники...

Разговор затягивался. Чтобы не чувствовать себя идиотом, Алекс достал из кармана куртки сигареты и предложил своей спутнице:

– Хочешь?

– Спасибо, не курю, – отозвалась она.

Алекс улыбнулся:

– Наверное, провинциалка?

– Ещё чего, – обиделась девушка. – Я коренная москвичка, и вообще, если хочешь знать, происхожу из старинного дворянского рода.

Разумеется, в глубине души он ей ни на секунду не поверил, но вслух восхищённо протянул:

– Ну надо же! Хотя я без негатива предположил, просто москвички курят практически поголовно... А против провинциалов ничего не имею. Я и сам не местный, из Тулы приехал... – он подсчитал в уме, – семь лет назад.

– А ты-то зачем куришь? – миролюбиво спросила она. – У тебя же голос, его беречь надо...

– Ну, ты прямо как моя мама говоришь, – усмехнулся он.

– Мама... Они везде одинаковы, – девушка вернула ему улыбку.

– Твоя, кстати, не волнуется, что ты шляешься ночами неизвестно где? – поддел он её. Девушка покачала головой:

– Ну, что ты... Она так выматывается на работе, что доползает до квартиры и сразу же заваливается спать. Сил на то, чтобы проверить, дома я или нет, уже не остаётся. У неё сейчас самое напряжённое время – новогодние праздники, банкеты, корпоративы...

– Не понял... Твоя мама – тоже артистка? – удивился Алекс.

– Ага, артистка кухонных подмоеток... – девушка рассмеялась и пояснила:

– Повар в ресторане.

– Ух ты, – Алекс присвистнул. – Вкусно поесть я люблю...

– Ну, если хочешь, свожу тебя как-нибудь к маме на обед, – пообещала она на полном серьёзе. Это было очень мило и трогательно.

– Извини, я забыл... Как тебя зовут? – спросил Алекс.

– Марина.

– Слушай, Марин, я тут живу рядом, рукой подать... Может, зайдём ко мне? – предложил он нерешительно, сам ещё не уверенный, что ему этого хочется. – Чего тут мёрзнуть-то... Кофе выпьем. Или чаю горячего...

К его удивлению, она с лёгкостью согласилась. «Наивная или, наоборот, слишком расчётливая?» – размышлял Алекс, пока они шли по направлению к его дому. Марина не была похожа на аферистку, да и фанаткой его, очевидно, не являлась – тогда в чём прикол идти среди ночи к практически незнакомому парню? Польстилась на то, что он популярный певец? Или для неё завалиться ночью к первому встречному – обычное дело?

«Ладно, разберёмся на месте, – решил Алекс. – В крайнем случае, просто выставлю её за дверь и скажу, что мне пора спать».

Проговорили всю ночь напролёт. Что они только не обсуждали!.. Алекс вдруг разоткровенничался, раскрылся – может быть, сказала усталость после концерта, а может, просто накопилось. Но его как прорвало... Он рассказывал ей о наболевшем, о том, что никогда не позволял себе даже упоминать в интервью. В частности, о том, как презирает большую часть своих поклонниц, считая их быдло-массой. О том, как страдает от преследований антифанатов...

– Кого-кого? – впервые услышав это выражение, Марина недоумённо наморщила лоб. – Ну ладно, я понимаю, что с одной стороны есть люди, которым твоя музыка близка, а с другой – те, кому она по барабану. Но что такое «анти-фанат»?

– О-о-о, – насмешливо протянул Алекс. – Это целая категория людей, которые возводят в настоящий культ не поклонение, а жгучую ненависть к тому или иному артисту.

– Всё равно не понимаю, – она покачала головой. – В чём смысл так яростно, так неистово ненавидеть? Что ты им всем сделал?

– Есть те, кому лично я ничего не сделал. Просто однажды где-то перешёл дорогу их кумиру. Может быть, обогнал в хит-параде, а может, завоевал престижную музыкальную награду. А может, просто СМИ про меня пишут чаще, чем про него, – Алекс махнул рукой. – Для истинного фаната это – уже достаточное обоснование для ненависти. Классическая война фанатских группировок, каждая из которых уверена, что лишь их любимец достоин быть на пьедестале, а остальные только мешают ему на пути.

– Поверить не могу, – Марина действительно была ошарашена.

– Но ты права, есть ещё и другие, – продолжал Алекс, – которые имеют на меня зуб конкретно за свои личные мелкие обидки. Кому-то не дал автограф. С кем-то не пожелал сфотографироваться. Кому-то не так вежливо ответил, как следовало бы. Кого-то прямо послал на хер после того, как, раздобыв мой номер телефона, он названивал мне с утра до ночи...

– Слушай, а ты, оказывается, суровый, – то ли в шутку, то ли всерьёз произнесла Марина, поёжившись. Алекс взглянул на неё ошарашенно.

– Суровый? Господи, конечно, нет! Я – человек общительный, лёгкий на подъём, и когда у меня есть время и настроение – всегда с удовольствием уделяю искреннее внимание своим поклонникам. Но бывают такие ситуации... Вот представь, гастрольный тур, каждый день – новый город и новый зал, ты оказываешься в Москве после многочасового перелёта, ночью не спал, отработал сольный концерт, валишься с ног от усталости и недосыпа, мечтаешь только об одном – добраться до дома и заснуть богатырским сном... А в это время группа фанаток, которые всегда в курсе, когда у тебя рейс, припирается встречать тебя в аэропорт в четыре часа утра, и каждая требует фото, внимания, улыбок... Или вот ещё ситуация: ты сидишь в кафе и обедаешь, а к тебе внезапно подлетает восторженная толпа и хочет совместную фотку – с каждым, а также попутно делает миллион снимков на телефон, как я жую... Бесит. Иногда срываюсь и рывкаю, я тоже человек. А они этого не понимают.

– Почему?

– Ну, по их мнению, раз уж выбрал себе такую профессию – терпи, будь всегда приветлив, весел, поддерживай иллюзию того, что поклонники – твои лучшие друзья. Чёрт возьми, я для них выкладываюсь от и до на концертах, но они хотят ещё и личного внимания. Это невыносимо.

– Верно говорят, от любви до ненависти – всего шаг, – Марина вздохнула. – И что, такого пустяка им достаточно, чтобы возненавидеть?

– Конечно! Иногда хватает и меньшего – к примеру, в интервью, упоминая гастроли, одному городу я посвящаю больше слов, чем другому... А иногда – мелькаю в светской хронике с какой-нибудь девушкой, пусть даже мимолётной знакомой. Сразу – слёзы, ревность и обида, как будто я лично обещал каждой своей фанатке жениться только на ней одной.

– Смешно и глупо, – фыркнула Марина.

– Это смешно до тех пор, пока не начинается активная травля, – Алекс вздохнул. – Отслеживается каждый мой шаг, каждая фраза, высмеивается всё – от внешнего вида до манеры исполнения, они с упоением кидают всем желающим ссылки на какие-нибудь сомнительные источники, где написана какая-нибудь очередная гадость обо мне. В общем, с тем же пылом, с которым поклонники обожают, анти-фанаты – ненавидят.

Марина задумалась, даже о чае забыла, лишь машинально грела пальцы о свою чашку.

– Слушай, – внезапно предложил Алекс, – а может, чего покрепче? У меня ром есть, очень хороший, индийский. Я его из Гоа привёз.

Секунду Марина вглядывалась в его лицо, словно пытаясь угадать, что стоит за этим вопросом: желание спить девушку и воспользоваться её состоянием ради своих похотливых целей, либо просто стремление проявить гостеприимство и придать атмосфере больше непринужденности?

– Ну, давай, – колебавшись, согласилась она.

За ромом беседа покатила ещё живее. Алекс рассказал ей, почему презирает современных журналистов – среди них практически не осталось профессионалов. Тупая погоня за сенсацией, раздувание скандалов на пустом месте... Да и обленились вконец – фото и информацию просто берут из аккаунтов звёзд в соцсетях.

– Ну ладно, стырил ты новость из моего твиттера, – горячился Алекс, – так будь добр, подай её правдиво! А они даже выложенную от первого лица информацию умудряются перекрутить, как в игре «глухой телефон». Либо специально врут... Самое страшное, что люди-то верят. Верят любому бреду, который напечатан на первых полосах. И что делать? Судиться с каждым таким журналюгой? Так на это никаких нервов и денег не хватит, да и когда мне? Боже мой, в какое страшное время мы живём... эти люди меня пугают. Любой твой поступок расценивается как нарочная самореклама... Даже если сдохнешь – напишут, что это ты специально пиаришься!

– По-моему, ты преувеличиваешь, – неуверенно произнесла Марина. Алекс поднял голову, встретился с ней взглядом и горько усмехнулся.

– Если бы преувеличивал... – задумчиво повторил он. – Если бы... Год назад я попал в аварию – так, пустяки, ничего серьёзного... Так СМИ состряпали из этого целую сенсацию!

– Что-то припоминаю, – подхватила Марина, – писали, что ты чуть ли не в коме, на грани жизни и смерти...

– Вот именно, – Алекс вздохнул. – Когда моя мама прочитала всю эту наглую ложь в одной из газет, так едва не заработала себе инфаркт. Звонит мне, рыдает взахлёб, еле-еле успокоил. А когда выяснилось, что я жив и вполне здоров, СМИ на меня же и обрушились, обвиняя в пиаре, хотя сами раздули весь этот скандал из ничего. Ненавижу!

Они немного помолчали, а затем Алекс вновь заговорил, раздираемый застарелыми обидами.

– А Жанна Фридман? Ты помнишь её громкую историю?

Конечно же, Марина помнила. Жанна была известной актрисой, и несколько лет назад общественность буквально шокировало известие о том, что она больна раком. К счастью, Жанне удалось справиться со страшным недугом, но после этого она пропала с экранов.

– Что, это тоже было враньё, придуманное журналистами?.. – с ужасом спросила Марина.

Алекс снова невесело хмыкнул.

– И опять я говорю тебе – «если бы»... Уж лучше бы это было враньём. Понимаешь, мы с Жанкой дружим уже много лет, практически в одно время приехали Москву покорять. И я видел всё, что с ней происходит, с самого начала. Когда у неё нашли неоперабельную опухоль мозга, ей казалось, что мир рухнул. Мы – её друзья – постоянно были рядом, поддерживали, собирали деньги на лечение в Америке... Когда поняли, что наших средств не хватает, бросили клич в СМИ, чтобы поклонники поддержали её финансово – кто сколько может. Понимаешь, это было абсолютно добровольное дело. Мы никого не принуждали. Но после нашей благотворительной акции началась настоящая информационная война. Одни журналисты уверяли, что болезнь эта – вымысел и фикция, рассчитанная лишь на то, чтобы усилить к себе интерес и пропиарить свой последний фильм. Другие алчно подсчитывали, сколько Жанна зарабатывает за каждый фильм, сколько стоит её московская квартира и машина, и злорадствовали: зачем собирать деньги с простого народа, проще ведь продать то, что имеешь! Обыватели тоже захлёбывались визгом в Интернете – у неё и так много денег, зачем ей помогать? Лучше бы помогли больным детям.

– Знаешь, о чём я думаю? – вмешалась вдруг Марина. – Самое поразительное – все эти люди, негодующие о том, что «лучше бы больным детям», сами в своей жизни, скорее всего, не помогли никому. В том числе и детям.

Алекс взглянул на неё с признательностью.

– Именно! Ты у меня это буквально с языка сняла! Просто демагогия, ничего больше... Короче, обвинения в саморекламе висели над Жанной всё это страшное время. Она проходила один курс химии за другим, а люди знай себе смаковали статейки о том, что она пиарится. Всем было наплевать на то, что у человека беда.

Он немного помолчал, собираясь с мыслями, но всё же решил закончить свой рассказ.

– Когда она вернулась в Россию, мы с друзьями поехали встречать её в аэропорт. Она вышла из зала прилёта... Такая опухшая, лысенькая, жалкая... Я еле сдержался, чтобы не разрыдаться прямо перед ней. И она же нас ещё утешала, нашла в себе силы шутить! Да, опухоль нельзя было оперировать, но её рост удалось остановить благодаря американским специалистам. И, ты понимаешь, страшно такое говорить, но этого Жанне не простили. Ни СМИ, ни «почтенная публика», – он сделал брезгливую гримасу. – Вот если бы она, не приведи Господь, умерла – тогда устроили бы показательные стенания от горя. А Жанна поправилась... Да как она смела? Ну всё, сомнений ни у кого не осталось – это точно был пиар. Люди так и не смогли простить ей молодость, красоту, талант и успех. В общем, жить в атмосфере всенародной ненависти она не смогла, и уехала обратно в Америку. Теперь уже – насовсем... Думаю, она вряд ли вернётся в Россию.

– А ты? Ты не хочешь переехать? – спросила Марина. Алекс только фыркнул.

– Да кому я там нужен... Ну и, к тому же, как бы пафосно это ни звучало, я люблю свою Родину. Люблю Москву, люблю родную Тулу, люблю маму и своих друзей... – он внимательно посмотрел ей в глаза и торопливо добавил: – Я и работу свою люблю, ты не думай. А то скажешь ещё – вот нытик, всё ему не то, всё не так... То, чем я занимаюсь по жизни, реально приносит удовольствие. Видимо, я просто устал. Вот и устроил тут исповедальню... Извини.

– Да не за что извиняться, – она передёрнула плечами. – Отлично тебя понимаю. – Просто издержки профессии. У меня и мама это постоянно говорит... Бывало, тоже сидит и причитает, как ей всё обрыдло и как она устала. Но я ведь знаю, я вижу, что без своей работы она просто умрёт. Потому что это – её настоящее призвание...

– Ах, да... – припомнил Алекс. – Мама-повар, новогодние банкеты... А в каком месте она работает?

– В ресторане «Милый дом» на Никольской.

Алекс наморщил лоб.

– Сам я там не бывал, но точно что-то слышал. «Милый дом»... Смешное название! – фыркнул он.

– Это очень популярное заведение, – слегка обидевшись, пояснила Марина. – А называется так, потому что позиционирует себя как ресторан с настоящей домашней кухней.

– Прости, не хотел тебя задеть. Маме твоей – респект и уважуха.

– Да, она у меня молодец, – улыбнулась девушка.

– Ты, наверное, и сама отлично готовишь? – предположил Алекс.

– Куда там, – Марина махнула рукой и засмеялась. – С такой-то матерью у меня с детства были все предпосылки для того, чтобы навсегда возненавидеть готовку! Она вечно всё критикует, даже когда я просто жарю себе яичницу. И яйца-то разбиваю неправильно, повреждая оболочку желтка, и солю не в то время и не в том количестве, и даже не умею элементарно перевернуть омлет на сковородке, чтобы поджарить его с двух сторон до золотистой корочки! Это ужас, на самом деле. Её постоянные занудные советы... Нет, моя дорогая мамочка сделала всё для того, чтобы я ни в коем случае не пошла по её стопам и не выбрала себе кулинарную профессию, – подытожила она.

– А вот выйдешь замуж, – поддел её Алекс, – и чем будешь кормить своего мужа? Или ты принадлежишь к той категории женщин, которые объявляют себя феминистками и категорически отказываются возиться у плиты?

– Скажешь тоже, – она хмыкнула. – Феминизм – это идиотство. Вернее, идиотство – те формы, которые он иногда принимает. Не понимаю, как девушка может искренне гордиться тем, что не умеет готовить, зато мастерски заколачивает гвозди? Да, я сама не супер-повар, однако превращать это неумение в свою «изюминку», как некоторые, не собираюсь. Ну и потом, уж самые простые блюда я всё-таки смогу сделать. Даже если они не понравятся моей маме, это не значит, что они несъедобны.

Некоторое время Алекс, улыбаясь, смотрел на неё. Как же он теперь радовался, что она побежала за ним на улице! Невероятно, но у него и впрямь улучшилось настроение, словно камень с души упал – настолько легко и хорошо ему сейчас было.

– Что ты устался? – пытаюсь шутливым тоном скрыть смущение, пробормотала Марина. – На мне узоров нету и цветы не растут.

Он расхохотался, примиряющим жестом поднял вверх руки, а затем кивнул на бутылку.

– Ещё по капельке?

### *Элен и ребята*

*Лена, 20 лет, Самара*

У Ленкиного отца имелся автограф Розенбаума.

Отец хранил его как зеницу ока: старая чёрно-белая фотография знаменитого певца (крупные залысины, усы, прищуренный взгляд, в руках гитара), а на обратной стороне снимка торопливо выведено синей авторучкой – «Володе от Саши». Кажется, отец разжился этим автографом после одного из гастрольных концертов Розенбаума, в порядке общей очереди. Однако сам он весьма убедительно врал друзьям, что Саня – его давний кореш. Рассказывал о совместных пьянках и даже о том, что певец восхищается его, отцовским, талантом. Якобы приглашает переехать в Москву и даже обещает помочь с музыкальной карьерой.

Собутыльники внимали с уважением. Верили. Кивали. Ну а что, разве Володька не талантливый парень? Талантливый. По нему и впрямь музыкальный олимп плачет. Отец сокрушённо вздыхал – дескать, давно уехал бы в столицу, да погряз в быту: работа, жена, маленькая дочь...

Продемонстрировав всем желающим фотографию, отец бережно убрал её обратно в шкатулку, которая, в свою очередь, отправлялась в секретер. Далее начиналась вторая часть Марлезонского балета, и Ленке она нравилась гораздо больше: отец доставал гитару. Бережно, как любимую женщину, он устраивал её у себя на коленях и обводил компанию тревожным самолюбивым взглядом, готовый взорваться от малейшего неосторожного намёка на то, что слушать его сейчас не желают.

– Петь, что ли? – спрашивал он с деланным равнодушием.

На счастье, компания друзей и приятелей, уже порядком расслабленная алкоголем, была настроена весьма благожелательно. Отца поощряли радостными возгласами и похлопываниями по плечу.

– Давай, Володька! Слабай нам что-нибудь... Чтоб за душу взяло!

Отец принимался петь – хриплым, нарочито приبلатнённым голосом, подражая не то Высоцкому, не то Розенбауму, не то Талькову. Ленка пряталась за дверным косяком, не решаясь войти в комнату, но между тем с замиранием сердца ожидая своей любимой песни – про собаку. Она была обязательной составляющей отцовского репертуара и исполнялась обычно под занавес, как эмоциональная и смысловая кульминация концерта.

Медленно падал пушистый снег,  
Солнце развеяло мглу.  
И сняв со стены ружьё, Человек

## С собакой пошёл в тайгу...<sup>2</sup>

Ленка чувствовала, как сжимается в крошечный комочек её сердце. Нет, нет, нет – хотелось ей закричать всякий раз. Не надо человеку и собаке идти на охоту, это для них плохо кончится! Не на-а-адо!

...Когти медведя уже у горла,  
Разинута смрадная пасть.  
И Человеку осталось одно —  
От дикого зверя пропасть.  
Ружьё пополам, и нож не достать,  
Но кровь облизнув с боков,  
Пёс прыгнул, рванулся, и не разжать  
Смертельную хватку клыков...

Ленка не могла простить подлого Человека, который бросил своего спасителя – верного пса – погибать в тайге. Но между тем, зная, какая страшная участь постигнет затем самого Человека, она принималась плакать заранее. Между тем, напряжение нарастало...

...Человек подошёл, хотел приласкать,  
Но пёс был к прыжку готов,  
Он прыгнул, рванулся, и не разжать  
Смертельную хватку клыков.  
Глаза исцарапал колючий снег,  
Руки корёжит мороз.  
Собака в крови, в крови Человек,  
А до дому сорок вёрст...

К финальным аккордам песни Ленка принималась рыдать уже взхлёб. Отец и сам был очень взволнован и горд своим исполнением. Событыльники сидели притихшие, потрясённые...

– Да-а-а, – многозначительно изрекал наконец кто-нибудь. – Собака – друг человека, бя!

Повзрослев, Ленка разлюбила эту песню. Ей вообще не нравились дворовые и блатные вирши. А уж данный слезодавильный шедевр и вовсе казался воплощением дурного вкуса и пошлости. К тому же она категорически отказывалась верить, что нормальная собака может из чувства мести убить собственного хозяина.

Почему Ленка вспомнила об этом теперь, когда отца давным-давно уже нет? То есть, он, конечно же, где-то есть – укатил на Север за длинным рублём, сошёлся с одинокой женщиной, да так и не вернулся домой. Ленке тогда было десять лет. Мать для проформы обозвала его кобелём и козлом, разорвала драгоценную фотографию с автографом Розенбаума на мелкие клочки и пару раз всплакнула, но на самом деле воспрянула духом. Ей порядком настогребенило житьё с вечно поддатым супругом, а также пьяные сборища у них в квартире, так что с его уходом забот у неё стало значительно меньше. К тому же, отец исправно присылал на Ленку алименты. Правда, самой дочерью он не интересовался, даже писем не писал, не просил фотографий – словно и не было у него никогда ребёнка.

---

<sup>2</sup> Здесь и далее в новелле «Элен и ребята» приводятся отрывки из стихотворения Виталия Шаманина «Медведь» (1976 г.)

Так почему цепкая детская память именно сейчас подкинула ей этот эпизод из прошлого – отец, играющий на гитаре и распеваяющий песню о собаке? Ленка огляделась по сторонам, словно выискивая ответ на свой вопрос. Может быть, просто кто-то из пассажиров напоминал отца внешне? Она ведь о нём практически не думала...

– Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка – «Галактионовская»!

Трамвай тронулся, и перед Ленкиными глазами поплыла тумба, оклеенная всевозможными афишами и рекламными листовками. Стоп! Вот он – яркий цветной плакат:

*На сцене Самарского Академического*

*Театра оперы и балета*

*10 января*

*АЛЕКСАНДР РОЗЕНБАУМ*

*с концертной программой*

*«Вперёд, в прошлое...»*

Ленка усмехнулась, разглядывая знакомое лицо, как будто встретилась с родным человеком. Нынешний Розенбаум почти не отличался внешне от того, на чёрно-белом фото... Ну, разве что обширные залысины на голове теперь превратились в абсолютно гладкую лысину.

В сумочке, лежащей на коленях, завибрировал мобильный.

– Да, мама, – отозвалась Ленка вполголоса. – Я еду в институт, что ты хотела?

– Во сколько тебя ждать сегодня, доча? Что вкусенького приготовить?

Неужели она забыла предупредить? Вот чёрт...

– Мамуль, – сказала Ленка мягко, – у меня не получится приехать в эти выходные.

– Как так? – ахнула та. – А твои подарки на Новый год? Я тебя так ждала... Хотя бы на денёк приезжай, перед праздником... Ты и так три недели дома не появлялась, что же на этот раз?

– У меня сейчас будет консультация, потом репетиция с ребятами, завтра вечером концерт, а послезавтра с утра – экзамен... Прости, – виновато произнесла она. – Ну какой мне смысл приезжать на одну ночь, чтобы завтра же уехать обратно? А подарками мы с тобой обменяемся первого января, – добавила она примирительно. – Я встречу Новый год со своими, а утром сразу же поеду домой.

– Концерт, небось, поздно начнётся, – обеспокоенно произнесла мать. – И главное – где он будет? Наверняка, притон какой-нибудь...

– Не притон, – засмеялась Ленка. – Рок-бар «Сквозняк». Программа начинается в десять вечера. Но я успею на последний трамвай, не беспокойся! В крайнем случае, мальчишки меня проводят.

– То у тебя «Сквозняк», то «Подвал», то «Дно»... и названия-то всё какие-то дурацкие, – мать продолжала обижаться.

– «На дне» – это пивной бар, ты всё перепутала, мы там не выступали никогда. Там только пиво, вяленая и копчёная рыбка, сырники и никакой живой музыки! – хихикнула Ленка. – Ну не дуйся, мамсик! Честное-пречестное слово, первого января буду дома как штык! Твои прошлогодние салатики даже прокиснуть не успеют, – пошутила она.

– Ох, – вздохнула родительница. – Деньги-то у тебя хоть остались? Что ты там кушаешь, поди голодаешь? Я же для тебя заранее приготовила соленья и варенья, достала из погреба...

– Не голодаю, мам. Да и стипендию обещали на будущей неделе.

На самом деле, денег у Ленки было в обрез. Но матери вовсе не обязательно говорить об этом.

– Так что не переживай, у меня всё хорошо. Банки я заберу, ничего с ними за пару дней не случится.

– Ну, как знаешь... – произнесла мать совсем уж убитым голосом. – Счастливо тебе выступить завтра... Но я ещё позвоню.

Ленка убрала телефон обратно в сумку с привычным чувством вины. Матери очень одиноко, она только и живёт, что приездами дочери, которые становятся все реже и реже. Если на первом курсе Ленка навещала родительский дом каждую неделю, то к третьему сократила свои визиты до пары раз в месяц. Но ведь она и в самом деле страшно занята.

Стиль музыки, который исполняла их группа, именовался «фолк-рок». Все тексты и мелодии Ленка сочиняла сама, опираясь на славянские и скандинавские баллады – так своеобразно пригождались ей знания, приобретаемые на родном филфаке. Группа называлась «Элен и ребята», как популярный французский молодёжный сериал. Поначалу это была всего лишь шутка, которая основывалась на Ленкином имени и том, что она была единственной девушкой в коллективе. А потом название как-то прижилось, и вскоре они стали именовать себя так официально. В состав группы входило шесть человек: Ленка сочиняла песни и исполняла их, два неразлучных друга – Ромка и Костя – играли на бас-гитаре и на электрической соответственно, были ещё Паша-флейтист, ударник Макс и клавишник Женька.

Ленка попала в группу в свой первый студенческий год, по объявлению. Прочла однажды на столбе возле общаги, что в начинающий рок-коллектив требуются автор песен и вокалист, набралась наглости и позвонила. Она сочиняла стихи с детства, и ими уже была заполнена не одна увесистая «общая» тетрадь. Поначалу мальчишки отнеслись к ней весьма скептически, но, когда Ленка напела им пару своих собственных песен, решили, что это даже круто – девушка-вокалистка!

Репетировали, как и герои одноимённого сериала, в гараже, что давало лишний повод для шуточек. На самом деле, это было очень удобно, поскольку не приходилось платить за аренду – Костин отец продал машину, и помещение пока пустовало. В первый год выступали на сборных концертах с одной-двумя песнями, а к следующей осени музыкального материала набралось уже на сольник. В прошлом месяце они даже удостоились чести выступить на «разогреве» у столичной звезды – кумира всей прекрасной половины человечества, Алекса Воронкова. Он оказался простым обаятельным парнем, весело пообщался с группой перед концертом, и Ленка даже всучила ему под шумок демо-диск со своими песнями. Ну, а чем чёрт не шутит – вдруг Алекс даст его послушать какому-нибудь крутому московскому продюсеру? Не то, чтобы Ленка мечтала стать знаменитой. Но она чувствовала себя по-настоящему счастливой, когда выходила на сцену и пела. Тогда исчезали все её глупые комплексы из-за лишнего веса – она казалась себе сказочной принцессой, нимфой, дриадой, наядой, русалкой и феей одновременно. Да и голос у неё был чудесный – сильный, чистый, мелодичный... Во время концертов она периодически бросала взгляды в сторону бас-гитариста – и ей казалось, что Ромка смотрит на неё с восхищением. Ей так хотелось в это верить...

Несомненно, Ромка очень любил и ценил её – как «своего парня». Они с Костей частенько забегали к Ленке в общагу просто так, в гости, даже когда не было репетиций. Но, при всём этом, Ромка слыл жутким бабником и постоянно приводил в гараж то одну, то другую свою девицу. У Ленки в такие моменты резко портилось настроение, и пела она из рук вон плохо, потому что её отвлекала очередная длинноногая мадам с колечком в пупке, строящая глазки Ромке и посылающая ему воздушные поцелуи. В конце концов Ленка распсиховалась и заявила, что категорически против присутствия посторонних на репетициях – это не даёт ей сосредоточиться. Ромка поворчал, но девок водить перестал.

– Остановка «Филармония»!

Ленка спохватилась. Ей же пора выходить! Едва не проехала, задумавшись.

Она уже немного опаздывала на консультацию, но, к счастью, до пединститута было всего несколько десятков метров. Спрыгнув с подножки трамвая, Ленка тут же поскользнулась на замёрзшей луже, припорошенной свежим холодным снежком, и едва не растянулась прямо под колёсами. С трудом удержавшись на ногах, она резво рванула через дорогу, по улице Льва Толстого, мимо величественного здания филармонии.

«Интересно, кто сегодня дежурит? – подумала она, роясь на бегу в сумочке в поисках студенческого билета – кажется, забыла его в общежитии. – Хорошо, если Казах... А то ведь Кощей не пропустит...»

На входе в институт бдили посменно два охранника. Первый – молодой, глупый и злой, дружно прозванный студентами Кошеем. Особым шиком считалось проскочить мимо него, не показывая свой студенческий. Легче всего это было сделать в толпе – охранник не имел права покидать пост, и поэтому только бессильно орал вслед безбилетнику:

– Студенческий! СТУДЕНЧЕСКИЙ! Эй, студенческий!

Когда нарушитель скрывался из виду, Кощей злобно шипел:

– Касссёл!

Если же зайцем проскакивала девушка, Кощей тоже с ненавистью смотрел ей вслед и точно с такой же интонацией, как и «касссёл», выплёвывал:

– Ссук!

Другой охранник был добрый доверчивый парниша из Казахстана. С ним вообще было запросто договориться.

– Студэнтэский! – требовал он на входе.

– Есть, – отвечали ему находчивые учащиеся.

– Харасо, – покладисто отзывался Казах, веря на слово.

В этот раз Ленке повезло – дежурил именно Казах, и ей удалось провести его старым проверенным способом. Повезло и в другом – когда она вбежала в аудиторию, преподаватель ещё не появился, поэтому её небольшое опоздание осталось незамеченным. Разве что подруга Аля – первая красавица курса – округлила глаза, когда Ленка уселась рядом с ней:

– Ну ты даёшь! Знаешь ведь, что Пронин даже на консультациях отмечает присутствующих – всего один пропуск, и до экзамена не допустит. Чего это ты расслабилась?

– Проспала, – вздохнула Ленка. – Вообще, странное состояние в последние дни. Не то тревожно мне, не то печально, этаким предновогодний депрессняк... И всё время усталость какая-то, моральная и физическая. Может, просто зима... Витаминов не хватает.

– Парня тебе не хватает, вот чего! – с видом знатока изрекла Аля. – Воздержание плохо действует на психику.

– Да ну тебя! – отмахнулась Ленка. – При чём тут парень...

Она не распространялась о своих чувствах к Ромке. Аля бы просто не поняла, каково это – страдать по одному-единственному мальчику, когда вокруг вон их сколько, симпатичных и разных, выбирай не хочу! Вокруг Али постоянно толпился целый табун кавалеров. Ленка порой недоумевала, почему в подруги эта ослепительная красотка выбрала такую серую мышку, как она сама. Уж явно не для роли «некрасивой подруги», Аля попросту не нуждалась в дурнушках, которые оттеняли бы её красоту – она и так была великолепна. Да и не ради того, чтобы списывать конспекты – Аля тоже хорошо училась, хоть и не шла на красный диплом, в отличие от Ленки. Поэтому эта дружба со стороны выглядела странной. Справедливости ради, Ленка не была уродиной. Да, лишние килограммы, но при этом – глубокие карие глаза, блестящие чёрные волосы крупными волнами, очаровательные ямочки на щёчках... Она была вполне хорошенькой, просто очень застенчивой, и побороть своё смущение получалось только на сцене.

– Слушай, Алёш... – сказала Ленка, краснея. – Не одолжишь мне до стипендии рублей триста?

– Да не вопрос, вот – пятьсот возьми, меньше у меня всё равно нет, – легко откликнулась Аля.

– Спасибо... Я тебе сразу же, как только... – залепетала Ленка.

– Перестань, – прервала бурный поток её благодарностей подруга. – Отдашь, когда сможешь.

Але легко давалась эта беззаботность – в отличие от Ленкиных, её родители жили в Самаре, и жили очень обеспеченно. Дома её всегда ждал вкусный горячий обед, приготовленный заботливой бабушкой. Мама с папой баловали её, давали денег на модные шмотки и посиделки в кафешках, брали с собой в зарубежные поездки. Ленке приходилось бывать у них дома – милая, дружная, весёлая семья, родители очень приветливы с гостями и хлебосольны. Бывает же так, когда всё у человека в жизни гладко с рождения – и умница, и красавица, ещё и дом – полная чаша... Ленка не завидовала, нет. Она искренне любила Алю.

– Слушай, а приходи завтра вечером на наш концерт, – преисполненная чувства признательности, пригласила она подругу. – В «Сквозняке» выступаем.

Аля скорчила очаровательную гримаску:

– Пощади, Леноч! Я этот ваш рок терпеть ненавижу, ты же в курсе. Алсу, Дима Билан и Алекс Воронков – моё всё! А то, что ты хорошо поёшь, я и так знаю.

– Ну пожалуйста, тебе понравится! – принялась упрашивать Ленка. – Там же не обязательно сидеть и слушать, можно потанцевать, можно выпить... И, между прочим, очень много симпатичных мальчиков.

– Ну хорошо, я подумаю, – улыбнулась Аля. – Во сколько начало?

В это время в аудиторию стремительно вошёл профессор Пронин, и студенты, до этого галдящие кто о чём, моментально стихли. Консультация началась.

### ***Пока смерть не разлучит нас***

*Олег, 33 года, Москва*

Утренний бег от станции метро «Китай-город» до офиса был действием, совершаемым Олегом на автопилоте. Обычно он нёсся, не глядя по сторонам, устремлённый мыслями внутрь себя. Когда опаздывал, то привычно срезал путь через ближайшие дворы, хоть это и не являлось самым приятным вариантом из-за вечных слякоти и грязи под ногами – похоже, туда даже летом не заглядывало солнце.

В тот день он тоже адски опаздывал. На утро в одном из мосфильмовских павильонов были запланированы пробы на роль главной героини его нового сериала, но до этого ещё необходимо было наведаться в офис, чтобы отдать важные распоряжения. Завернув в знакомый двор-колодец, Олег попытался настроиться на очередной насыщенный рабочий день, однако это у него получалось скверно. В голове то и дело вспыхивали отголоски скандала с Марианной. Он совершенно не был готов к разговорам о свадьбе за утренней яичницей с колбасой, а подруга, видимо, обдумывала атаку всю минувшую ночь. Марианна была настроена решительно и выдвинула ультиматум: если Олег не дарит ей кольцо и не делает предложение в ближайшую неделю, то она съезжает со всеми вещами и знать его больше не желает. От неожиданности он огрызнулся, она тут же начала демонстративно хлюпать носом, отчего он почувствовал себя ещё большей сволочью, чем являлся... В общем, расстались они, так и не помирившись, и до вечера Олег должен был поразмыслить над сложившейся ситуацией.

«А может, чем чёрт не шутит, и правда – пойти и расписаться? – подумал он почти в отчаянии. – В конце концов, уже полгода живём вместе. Лучше Марианки мне всё равно никого не найти. А то, что сердце не запутывается в кишках от высоких чувств... Ну, такое только в кино бывает! Поженимся, родим детей, будем вместе стареть...» Он попытался

представить Марианну уютной бабушкой в окружении внучат, но у него ничего не вышло: воображение упорно подсовывало картинку карикатурно-гламурной старухи, отплясывающей на танцполе с коктейлем в руке и кокетничающей с юным барменом.

Марианна была моделью. Они познакомились во время съёмок клипа Алекса Воронкова, с которым Олег давно приятельствовал. Марианна исполняла роль подруги певца. Вернее, как – «исполняла»... Всё, что от неё требовалось – это красиво грустить в кадре, особо серьёзной актерской игры там не требовалось. Актриса она была, откровенно говоря, никакая. Однако амбициозность этой девушки настолько зашкаливала, что мечты о блестящей будущей кинокарьере никому не казались абсурдом. Люди верили, что она многого добьётся. Правда, Олег в этом плане был ей не помощник – несмотря на близкие отношения с Марианной, он не собирался задействовать её в своих фильмах, поскольку предпочитал делать ставки на действительно талантливых актрис. То, что он снял клип для Алекса с участием Марианны, было инициативой Воронкова, он же и отбирал модель для своего ролика. Олег вообще поначалу думал, что у Марианны с певцом роман. Оказалось – нет, просто она идеально подходила по типажу для нового клипа.

Олег видел, что Марианна в нём несколько разочарована: за все месяцы сожительства он не оправдал ни одной из возложенных на него надежд. Во-первых, отказался протектировать её в киноиндустрии. Во-вторых, не осыпал дорогими подарками, то есть шубами, машинами и бриллиантами – более того, сам позорно предпочитал ездить на метро, уверяя, что так у него куда больше шансов всюду поспевать вовремя. В-третьих, он не выводил подругу в свет, вечно пропадая на своей работе. И, в-четвёртых, не делал предложения – что, конечно же, было самым страшным грехом в системе координат девушки, однажды приехавшей покорять Москву из своего Альметьевска...

– Сынок! – вдруг раздалось у Олега за спиной.

От неожиданности он споткнулся и едва не влетел в грязный сугроб, но удержал равновесие и обернулся на зов. У подъезда, мимо которого он только что пронёсся, стоял опрятный седенький старичок и растерянно улыбался.

– Вы мне? – уточнил Олег на всякий случай. – Что-то хотели?

– Сынок, у тебя есть мобильный телефон?

– Есть, конечно. Вам нужно куда-то позвонить?

– «Скорую» вызвать надо, – он виновато сморщился. – Жене моей плохо, сердце... Как вернулась из магазина – так прямо в прихожей и прихватило...

Благообразный вид и почтенный возраст старичка внушали доверие, поэтому Олег без опаски протянул ему свой айфон.

– Конечно, звоните! Нужно набирать ноль-три-ноль.

Взгляд дедули испуганно заметался.

– Ты уж сам вызови, пожалуйста, милый... я в этом не разбираюсь.

– Она в сознании? – уточнил Олег на всякий случай.

– Да, но очень сильные боли в груди, и дышит тяжело...

К счастью, на звонок ответили быстро – Олегу вовсе не улыбалось опоздать на кастинг, время и так поджимало.

– Четыреста восьмая слушает, чем могу помочь? – отозвалась диспетчерша.

– Тут стару... – он осёкся и быстро исправился, – пожилой женщине плохо. Скорее всего, сердечный приступ. Боли в груди и одышка.

– Возраст?

Он перевёл взгляд на дедулю:

– Сколько ей лет?

– Семьдесят три, – торопливо отозвался тот, с надеждой заглядывая Олегу в глаза, словно от этого зависело выздоровление супруги.

– Адрес?

Олег упёрся взглядом в угол дома, возле которого они беседовали, и зачитал с таблички название улицы:

– Солянка, дом один, дробь два, строение два.

– Первый подъезд, квартира номер шесть! – подсказал сообразительный старичок.

– А кто вызывает? – спросила диспетчерша.

– Я... э-э-э... сосед.

– Оставьте номер своего телефона, – отчеканила она. Олег растерялся.

– Зачем это?

– На случай, если у бригады возникнут вопросы в процессе поиска. Пока что усадите больную в кресло с подлокотниками, дайте ей разжевать и проглотить таблетку аспирина, а затем нитроглицерин под язык. Обеспечьте приток свежего воздуха. Бригада выезжает.

Ждать приезда скорой помощи в планы Олега явно не входило. Однако так жаль было оставлять беспомощного старичка наедине с его бедой, что он заколебался. Тот словно почувствовал его смятение.

– Спасибо тебе за всё, сынок. Ты иди, я с Нюсей сам побуду. Подожду врачей...

Он деликатно отвернулся и тихо заплакал, утирая слёзы сухонькой ладошкой.

– Хоть бы пожила ещё немного... – выговорил он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Вроде и не молодка уже, но... всё равно жалко. Мы с ней с детства друг дружку знаем, из родной деревни вместе в Москву приехали, на один завод пошли...

У Олега вдруг защипало в носу.

– Не волнуйтесь, дедушка, всё будет хорошо, – заверил он дрогнувшим голосом. – Вашей жене обязательно помогут.

К вечеру Олег так и не принял окончательного решения по поводу их совместного будущего с Марианной. Да и когда ему было думать над этим вопросом? Весь день он носился как белка в колесе, тут уж не до размышлений о браке.

– Давай пока отложим этот разговор... – промямлил он, вернувшись домой зверски уставшим и избегая встречаться с ней взглядом. Марианна, похоже, не ожидала от него такой подставы, потому что готовила себя к другому исходу. Однако идти на попятный было глупо и стыдно, поэтому она принялась демонстративно собирать свои вещи и распахивать их по чемоданам, нарочно медля, точно ожидая, что он сейчас передумает и остановит её, а затем торжественно наденет обручальное колечко на ухоженный пальчик. Она так долго возилась, что Олега начало это подбешивать. «С чего я вообще мог даже на секундочку вообразить, что хочу состариться вместе с этой особой?» – поразился он про себя. Нет-нет, Марианна не была создана для брака, он это понимал теперь совершенно отчётливо. Наблюдая за её сборами, он обратил внимание, что она специально «забывает» какие-то свои вещи – одежду, косметику... «Чтобы был повод вернуться!» – понял он и разозлился. Он уже мечтал, чтобы она поскорее свалила, потому что хотел есть и спать.

Наконец, с вещами было кое-как покончено. Марианна театрально замешкалась в дверях.

– Олежек, вызовешь мне такси? Я же не могу тащиться со всеми этим огромными чемоданами на метро.

– Куда ты поедешь? – спросил он, доставая телефон. Марианна обрадовалась этому проявлению интереса и кокетливо осведомилась:

– Ты сейчас просто из вежливости спрашиваешь, или из реального любопытства?

– Господи, – Олег вздохнул и покачал головой, – мне это нужно знать, чтобы хотя бы примерно обозначить таксисту, куда тебе везти.

Марианна скисла.

– Пока к подруге в Кузьминки... – она помедлила, словно ожидая, что он спросит точный адрес. Олег не спросил. – А потом... Не знаю, наверное, квартиру сниму... Если денег хватит, – она обиженно надула губки, будто бы обвиняя Олега в своей финансовой несостоятельности.

– Работать не пробовала? – усмехнулся он. – Ты же хотела быть актрисой. Многие с массовки начинают, с эпизодов... Или не царское это дело? Привыкла вести беззаботную жизнь светской домохозяйки?

Марианна окончательно оскорбилась и захлюпала носом.

– Как тебе не стыдно, Олежек!.. Я же хотела по-хорошему расстаться...

– Так мы и расстаёмся по-хорошему, – миролюбиво ответил он. – Ключи от квартиры верни.

Она принялась нервно рыться в сумочке, продолжая всхлипывать.

– Я же ничего такого в мыслях не имела... Я просто забыла... И если вдруг вспомню, что оставила что-то...

– Если что-то оставила, – решительно перебил её Олег, – то позвонишь мне и выяснишь, когда тебе можно будет подъехать и забрать. Или пересечёмся в городе, я тебе отдам.

До Марианны, кажется, стало доходить, что она переиграла – это был окончательный разрыв. И спровоцировала его она сама, как последняя идиотка... Оставалось два варианта – гордо уйти, хлопнув дверью, или униженно упасть в ножки и попросить прощения, чтобы ей позволили остаться. Сложно было отказаться от привычного уже беззаботного образа жизни, когда не надо трястись над каждой сторублёвкой в кошельке, можно пренебрегать общественным транспортом, позволять себе обедать и ужинать в ресторанах... Конечно, Олег не являлся олигархом. Но как режиссёр он был очень хорош и пользовался популярностью, что позволило ему обеспечивать себе очень неплохой уровень жизни. Пока Марианна находилась под его крылышком – этой красивой жизни перепало и ей, она моментально забыла об отвратительных съёмных углах, по которым скиталась в первый год после переезда в Москву, о быстрорастворимой лапше и дешёвом чае из пакетиков...

Марианна приехала в столицу из Альметьевска три года назад, чтобы стать актрисой и, конечно же, провалилась во всех театральных вузах. Даже привлекательная внешность не помогла – на актёрских факультетах и так было некуда деваться от красивых студенток. Возвращение домой представлялось невозможным, стыдным – и Марианна наврала родным, что поступила. Родители регулярно высылали ей деньги – ну а как же, ведь деточке приходится одной крутиться в огромной неприветливой Москве. Деньги эти полностью уходили на оплату съёмной квартиры (пополам с подружкой), но нужно же было ещё и питаться, и одеваться, чтобы хорошо выглядеть... Понятное дело, что просить больше у мамы с папой Марианне не позволяла совесть – предки-то были свято уверены, что дочка живёт в представленном институте общежитии. Во время редких телефонных разговоров с малой родной Марианна не очень убедительно врала об учёбе, но в подробности не вдавалась и быстро прощалась, ссылаясь на постоянную занятость. Родители жалели кровиночку – вон как выматывается, и голосок усталый, измученный...

А потом Марианна закрутила небольшой роман с женатым фотографом, который за торопливый секс в собственной студии всегда рад был подкормить тощую подружку. Конечно, о трюфелях, чёрной икре и фуа-гра пока что приходилось только мечтать, но падать в голодные обмороки она перестала. К тому же, фотограф бесплатно сделал ей вполне приличное портфолио. Марианна отправила заявки в лучшие модельные агентства Москвы, и некоторые ей даже перезвонили, предложили прийти на фотопробы или на обучение, но дальше этого дело не пошло. К ней либо теряли интерес, либо требовали огромные деньги за последующую раскрутку. Марианна отслеживала практически все новые кастинги в Москве и регулярно моталась по ним. Пару раз её пригласили поучаствовать в промо-акциях, а ещё

она снялась в рекламе мыла, но популярность после этого на неё не обрушилась, телефон не обрывали восторженные агенты и поклонники... Продолжалась эта безнадёга ровно до тех пор, пока она не наткнулась в Интернете на объявление о поиске героини для нового клипа Алекса Воронкова. И вот с этого момента ей, что называется, попёрло.

Во-первых, именно её отобрал лично Воронков, собственной персоной – из тысячи претенденток! Как он позже признался, Марианна напомнила ему первую школьную любовь. Вообще, Лёха оказался отличным парнем, простым, добрым и компанейским – те съёмки она до сих пор вспоминала с теплотой. Атмосфера на площадке все три съёмочных дня царила самая неформальная. Они все дурачились, хохотали, болтали, подшучивали друг над другом... Во-вторых, за клип Марианне заплатили такую огромную, по её меркам, сумму денег, что она даже растерялась, не зная, на что её можно потратить. В итоге, конечно же, спустила на всякую ерунду. Ну, и в-третьих, на съёмках клипа Марианна познакомилась с режиссёром Олегом Приваловым, и у них завязался служебный роман. Ох, каких усилий ей это стоило! Поначалу она раскатала было губы на самого Воронкова, но безошибочным женским чутьём поняла, что он к ней дышит абсолютно ровно. Тогда она обратила внимание на режиссёра – тем более, он был к девушке очень внимателен и даже ласков, помогал ценными советами, как вести себя на площадке, и вообще всячески демонстрировал своё расположение. Марианна использовала весь свой арсенал кокетливых уловок и приманок, чтобы он всерьёз клюнул. Уже после первого совместного рабочего дня они расстались, обменявшись телефонами, а после второго – Олег любезно подвёз девушку до дома. Они долго целовались в его машине, но к себе Марианна приглашать его не стала, побоявшись спугнуть – увидев, в какой хибаре обитает прекрасная леди, режиссёр мог сразу распознать её корыстный интерес к нему и сбежать, сверкая пятками. Ну и наконец, завершение съёмок группа решила отметить ужином в ресторане – откуда Марианна уехала уже не к себе на съёмную квартиру, а к Олегу домой. Отношения развивались стремительно, и вскоре – под Марианниным лёгким напором – он предложил ей переехать к нему с вещами. И всё шло просто замечательно – до тех пор, пока она снова не решила чуть-чуть надавить и заставить Олега отвести её в ЗАГС. Но не рассчитала – перегнула палку слишком сильно.

Олег со скучающим видом стоял в прихожей и наблюдал, как она суетливо пытается обуться, не попадая ногами в туфли. Остатки гордости не позволяли Марианне зарыдать, вымаливая прощение, поэтому она решила, что всё-таки уедет. А утро вечера мудренее! Как знать, может, он и сам одумается, поймёт, что ему без неё плохо и скучно... Она воспрянула духом и даже нашла в себе силы выдать на прощание жалкую улыбку:

– Не держи на меня зла, Олежек... И спасибо тебе за всё.

– Удачи, и с наступающим, – вежливо попрощался он, закрывая за ней дверь.

### ***А я люблю женатого***

*Ирочка, 26 лет, Санкт-Петербург*

– Ну, как тебе здесь нравится? – спросил Артём. Ирочка расцвела благодарной восторженной улыбкой:

– Просто чудесно! Всё такое вкусное, с ума сойти! – и, как бы в доказательство своих слов, она с аппетитом откусила огромный кусок от сочного беляша и отправила себе в рот. Артём по-доброму рассмеялся.

– Какой же ты всё-таки ребёнок... Тебе чрезвычайно легко угодить. Ты всему рада.

Ирочка сияла так, словно находилась в изысканнейшем парижском ресторане, а не в дешёвом кафе самообслуживания в Казани. И дело было даже не в том, что девушка не ела ничего слаще морковки – до этого Артём уже успел показать ей и Чехию, и Испанию, и Италию. Просто Ирочка умела искренне и непосредственно получать удовольствие от жизни.

Впрочем, грех жаловаться – кормили в «Доме чая» и впрямь замечательно. Особенно вкусны были потрясающие татарские пироги и манты. Артём с Ирочкой уплетали за обе щеки, собираясь с силами для того, чтобы продолжить прогулку по историческому центру города.

Вообще-то Артём прилетел в Казань ещё накануне, по делам фирмы. Но с работой он разобрался в первый же день, и целые сутки оставались на развлечения и удовольствия. С раннего утра они с Ирочкой отправились гулять. Посетили мечеть Кул Шариф и Казанский Кремль, затем пешком двинулись по улице Баумана, заходя во все сувенирные магазины подряд. Город был украшен по-новогоднему, и сам напоминал сверкающую ёлочную игрушку. Ирочка сияла, преданно заглядывала Артёму в глаза и ловила каждое его слово. Ему и льстило это безоговорочное обожание, и смешило изрядно. Впрочем, его собственная жена давно не смотрела на него подобными влюблёнными глазами, так что рядом с Ирочкой он чувствовал себя настоящим принцем на белом коне.

«Я от него просто с ума схожу... – думала между тем Ирочка, любуясь лицом Артёма – оно казалось ей самым красивым, самым добрым и одновременно самым мужественным на свете. – Господи, и за что мне такое счастье?»

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.